

Юлия Вельбой

Жюли и Мишка

Роман

Юлия Вельбой

Жюли и Мишка. Роман

«Издательские решения»

Вельбой Ю.

Жюли и Мишка. Роман / Ю. Вельбой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852931-3

Любовный четырехугольник. За короткое путешествие длиной в две недели герои должны выяснить, кто из них кого любит. Решиться изменить свою жизнь или оставить все, как есть?

ISBN 978-5-44-852931-3

© Вельбой Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жюли и Мишка Роман

Юлия Вельбой

© Юлия Вельбой, 2017

ISBN 978-5-4485-2931-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Жан, – говорю я в трубку, – боюсь, меня не впустят в Мюнхен.

Его голос доносится из такого далека, что мне кажется, он на другой планете.

– Почему? – спрашивает он спокойно.

Это спокойствие больно царапает меня.

– Потому, что у меня греческая виза.

– Греческая?

Такое впечатление, что перед этим мы не обсуждали мою поездку.

– Да!

Жан молчит в затруднении. Кажется, он не понимает, в чем дело. Интересно, он вообще читал мои письма?

– Если меня задержат на пасконтроле в Мюнхене, я буду ссылаться на тебя, слышишь? А ты подтверди, что мы вместе с тобой летим в Грецию.

– Да, да! – отвечает он поспешно.

Но понимает ли он? Меня берут сомнения...

В аэропорту Донецка пустынно. Поразительно то, что регистрацию здесь не объявляют. Не объявляют вообще ничего – ни посадку, ни прибытие. Сидишь-сидишь в огромном зале, где эхо от каждого шороха, и вдруг как молотом по голове – регистрация! – вскрикивает мой внутренний голос и молчаливое табло.

На Мюнхен почти никто не летит. Служащий Люфтганзы за стойкой спрашивает:

– Вы собираетесь с греческой визой попасть в Мюнхен?

– Да.

Он вежливо улыбается:

– Считаю своим долгом предупредить, что в Мюнхене к вам будет много вопросов, вплоть до депортации.

Из-за его слов у меня на душе потемнело. Поднимаюсь на второй этаж, ищу глазами табло с надписью «Мюнхен», усаживаюсь под ним и наблюдаю за немногими отлетающими вместе со мной пассажирами. Все они расслаблены и спокойны. Чувствую себя преступницей.

Сажу. Сердце колотится все сильнее. Достаю телефон, чтобы снова позвонить Жану. Набираю его... Он поставил телефон на автоответчик! Оставляю сообщение: «Жан, пожалуйста, перезвони».

Рядом сидит дедушка с портфельчиком. У него мятые брюки и старая вельветовая жилетка. Приглядываюсь: жилетка пошита непрофессионально, перекант на пройме выворачивается с изнаночной стороны на лицевую. Видимо, эту жилетку дедушке сшила бабушка еще в первые месяцы их супружества, и он носит ее всю жизнь как символ того счастливого юного времени. Глаза у дедушки такие же, как жилетка – коричневые, выцветшие, пожившие на этом свете.

Он достает телефон, заговорил... он итальянец! А с виду не скажешь. Выглядит нашим человеком. Думаю, это мятые штанишки ввели меня в заблуждение. Таких одиноких дедушек я постоянно встречаю у нас в Украинске – идут неухоженные, с засаленными волосами... Куда смотрят их бабушки? Одного из них я часто вижу семенящим на базар со старой корзинкой; мелкими-мелкими шажками он пробирается в толпе женщин, причем корзинка идет чуть впереди хозяина на вытянутой руке. Да, итальянские дедушки корзинок не носят, а носят портфельчики, – в этом моя ошибка.

Напротив дедушки и меня – прощелыга лет тридцати; изображает из себя интеллигента. Ну, этот уж точно наш: не первой свежести черный плащ, волосы сзади собраны в хвостик.

Повернулся... э, парень, да ты лысеешь. Плащ безразмерный, бесформенный, – на какой помойке ты его нашел?

Неподалеку мирно переговариваются тетеньки. Предмет их беседы – сравнительная характеристика цен у нас и в Германии. Прислушиваюсь и понимаю, что Германия в этом вопросе побеждает... нет, проигрывает. Нет, снова побеждает, – словом, как всегда. Достигнув компромисса насчет цен, заговорили о детях и внуках.

Уж в нашей тетеньке не ошибешься. Хотя ей далеко за пятьдесят, и габариты у нее естественные, она одета в обтягивающую розовую кофточку и джинсы, которые на попе лопаются.

Настроение мое всё ухудшается. Сердце замирает в предчувствии того, что меня не впустят в Мюнхен.

А ведь Мюнхен – это только начало. После Мюнхена мне нужно будет добраться в Милан, а из Милана – в Лион. Шенгенскую визу я купила в интернете за двести пятьдесят евро. Вопрос не столько в том, что она греческая, сколько в том, настоящая ли она. Что ж, в Мюнхене проверят.

Жду еще полчаса. От Жана никаких позывных. Снова перезваниваю, и снова автоответчик. Я наговариваю ему информацию: «Жан, запомни. Мы туристы, друзья. Ты встречаешь меня в аэропорту Милана, мы с тобой осматриваем город, после чего летим в Грецию. Понятно? Ни слова о том, что я собираюсь все это время пробыть во Франции. Перезвони, что понял». О господи!

Я загадала: если в самолете мое место будет рядом с итальянским дедушкой, значит, до Милана я доберусь. Ах, дедушка! Сидишь ты и не знаешь, что ты мой талисман.

Вдруг по залу пронесся какой-то вздох, народ суетливо задвигался, встал со своих мест и выстроился в очередь. Как они поняли, что посадка началась? Ведь администрация аэропорта держит это в тайне.

Выстроилась и я. Бестолково роюсь в своих бумагах – электронных билетах, купленных, опять же, по интернету. Выгода электронных билетов в том, что когда покупаешь бумажный билет в офисе авиакомпании, тебе выписывают одну бумажку, а когда электронный по интернету – сразу три. Итого, при четырех рейсах Донецк – Милан – Париж – Донецк, у меня налицо двенадцать бумажек, в которых с непривычки трудно разобраться. Девушка с оранжевым плащом на шее терпеливо ожидает, пока я переберу все двенадцать и выберу одну нужную.

Заходим в самолет, держу дедушку в поле зрения. Волнующий момент... он садится не рядом, а впереди! Не рядом... но все-таки очень близко. Надеюсь... как я надеюсь!

Рядом с дедушкой и тоже впереди сел прощелыга в плаще. Я подглядываю за ним в щелочку между креслами. У него и вправду интеллигентный профиль, который, если не видеть бесформенного плаща, производит довольно приятное впечатление.

При чем здесь плащ? А, вспомнила! О. рассказывал, как в дни своей хипповской юности он, завернувшись в такой же плащ, очень удачно воровал продукты в магазине. Протянешь руку к яблоку на прилавке, возьмешь его посмотреть и – кидь в рукав! А рукава широкие, безразмерные – туда помещались и яблоко, и картофелины, и луковица. Во второй рукав – буханка хлеба кирпичиком. Погуляешь с утра по магазинам – глядишь, и сыт. Спал он тогда в подъездах, иногда у таких же хипарей на квартирах. После тех рассказов широкий плащ наводит меня на мысли.

Прощелыга (нет, язык не поворачивается) развернул и читает немецкую газету! Он немец? Мимо проходит проводница, он останавливает ее и бегло заговаривает с ней по-немецки. Да, он немец. Итак, впереди меня немец и итальянец, а это значит... Нет, не буду слишком надеяться.

Разнесли горячую сосиску в тесте, напитки. Я выбрала кофе – еле теплый, противный, а все вокруг брали пиво и вино. Когда девушка с тележкой ушла, я с опозданием подумала,

что надо было и мне принять на грудь для храбрости. Ладно, съем немецкую сосиску, авось немецкий дух войдет в меня и защитит. Ах, Мюнхен, Мюнхен...

Подлетаем. Объявили, что в Мюнхене снег, так оно и есть. Внизу все белое, ничего не видно. Я схожу по трапу на дрожащих ногах. Под одежду пробирается морозный ветер. Чуть живая прохожу на паспортный контроль. «Немцы, будьте милосердны!» – шепчу про себя. Через стекло на меня взглядывает упитанный розовощекий немчик в униформе.

– Здравствуйте, ваш паспорт, пожалуйста, – говорит он по-английски.

Все немцы как автоматы говорят по-английски. Что, родной язык уже не в моде? Подаю паспорт и прошу перейти на язык его родины. Немчик внимательно изучает визу, потом меня.

– Вы летите в Милан? – спрашивает он.

– Да, в Милан.

– Что вы будете там делать?

– Из Милана я лечу в Грецию.

Он, чуть-чуть улыбаясь:

– Из Милана в Грецию?

– Да.

– Покажите билет в Грецию.

– Билет в Грецию я куплю на месте.

Он снова улыбается и бросает какое-то словечко своему коллеге, который сидит рядом. Еще раз пристально смотрит на меня.

– Значит, вы летите в Милан?

– Да...

– Что вы собираетесь там делать?

Нервы у меня сдают.

– Их бин туристин! Их райзе!

– Окей, покажите обратный билет.

Дрожащими руками я достаю обратный билет с вылетом из Парижа (!), протягиваю ему в окошко. Кажется, он заметил дрожь моих рук. Он рассматривает билет. Потом меня. И снова билет. Зависает долгая-долгая пауза. Я стою ни жива, ни мертва.

Немчик берет штампик и штампует. Свершилось!

– Проходите, пожалуйста, – говорит он.

Я, на радостях:

– Куда мне сейчас идти?

Он, снисходительно улыбаясь:

– На второй этаж и налево.

Главное – наткнуться на хорошего человека!

Итак, немцами я довольна.

Аэропорт в Мюнхене огромный, как город. Магазины и кафе на каждом шагу. Очень вкусно пахнет. Я растерялась сначала, стояла и смотрела на все это великолепие, пока какой-то русский парень, по выражению лица признав во мне соотечественницу, не подошел ко мне.

– Что стоишь? – спросил он.

– Думаю, где мой самолет, – пролепетала я.

– Какой у тебя гэйт?

– Что?

Он молча взял из моих рук билет, который я до этого задумчиво теребила, и прочитал:

– Гэйт 63.

– Это что?

– Гэйт 63 – это выход, откуда будет производиться посадка на твой самолет, – он внимательно посмотрел на меня. – Ты в первый раз?

– Да.

– Надо билет читать перед вылетом. Английский знаешь?

– Плохо, немецкий лучше.

– Значит, не заблудишься. Вон указатели с цифрами, видишь?

– Вижу.

– Иди по ним, ищи свой гэйт, – он еще раз заглядывает в мой билет, – у тебя в запасе три часа, успеешь.

– Спасибо.

– Не за что, – и он пошел, улыбнувшись на прощанье.

Русские своих не бросают.

В циферках я плохо понимаю и вообще не доверяю всему написанному – мне лучше у людей спросить, оно и надежнее. Поэтому я подошла к служащей Люфтганзы, чтобы узнать, где мне найти этот самый гэйт. Она очень охотно и с улыбкой мне все объяснила. Хотя язык я забросила три года назад, но понимаю и говорю легко. Все-таки хорошо знать язык той страны, в которую прибываешь.

Все же гэйт 63 я ищу довольно долго, потому что аэропорт большой, а мне на каждом углу хочется поглазеть.

Вот группа корейцев (или китайцев?) – все маленькие, черненькие, как галчата, ходят гуськом. Если останавливаются, то сразу выстраиваются вокруг главного и внимательно его слушают. Один говорит, а все молчат. Потом построились гуськом и – оп! снова пошли.

Одеты так, будто у них конкурс «самый нелепый наряд». Здесь и шелковые халаты с жиденькими горжетками вокруг шеи (на дворе конец марта), и спортивные костюмы; у одной дамы на голове настоящая детская панамка – старенькая, с линиями цветочками; вторая в умопомрачительных бусах поверх пальто; шляпки с перьями, балахоны до пола... Может, им с самолетов сбрасывают гуманитарную помощь в виде одежды, и они просто надевают кому что досталось?

А щебечут как! Когда главный в кругу замолкает (но не раньше), остальные начинают чирикать – это они задают вопросы.

Сидят валяжные итальянцы – мужчины в безупречных костюмах – глазами цвета маслин лениво поглядывая вокруг себя. Воротнички рубашек на их смуглых шеях ослепительны. А обувь!

Но где же немцы? Ищи самых скромных и незаметных – это и будут они.

Слава богу, что между рейсами у меня три часа. Был бы час, я бы точно не успела. В интернете читала, что пересадка в Мюнхене – плевое дело, думать ни о чем не надо, Люфтганза сама все сделает за вас. Не верьте, люди! Никто за тебя ничего делать не будет. Если сам все не разыщешь, так и не попадешь никуда.

Наконец, нахожу свой гэйт. Подхожу к служащей, спрашиваю. Она подтверждает, что попала я туда, куда надо. Фух, ну хоть одно дело с плеч долой.

От Жана ни звонка, ни эсэмэски...

Самолет на Милан запаздывает. Пошла в туалет. Там женщина с большой сумкой-контейнером. В ней – двое маленьких щенков. Она их вытащила, посадила на расстеленную тряпочку и что-то говорит им по-итальянски. Щенки расплзаются в разные стороны, она зовет их к блюду с молоком. Какие милашки!

Вернулась на свое место – а эта женщина уже сидит рядом, и в ногах у нее сумка со щенками. Они тычутся носиками в сетку, женщина что-то потихоньку говорит им, а щенки начинают игриво нападать друг на друга. Хоть какое-то развлечение в томительном ожидании полета.

Но вот объявили посадку. Люди выстроились в длинную очередь, я тоже. Девушка проверила билеты, и все пошли в большой автобус. Мне холодно, я кутаюсь в шерстяной павлопосадский платок. Настроение тревожное. Что-то ждет меня в Милане...

В автобусе впереди меня стоит итальянка, ей не больше тридцати. У нее туфли-лодочки на шпильке, я заметила их еще на пути к автобусу. На нас опускались хлопья снега, а туфли были совсем открытые... Но не столько туфли на снегу поразили меня, как то, что были они золотые – из плотной блестящей парчи. Это была Золушка, и смеялась она так заразительно, что забывалось о снеге.

Громко рассказывая что-то своей подруге, Золушка и в автобусе продолжала подхохотывать, показывая белые зубы. Она – блондинка и средоточие взглядов всех присутствующих здесь мужчин. Пока автобус стоит, и мы снова чего-то ждем (Люфтганза ужасно непунктуальна), мужчины со всех сторон косят на нее глазами. На шее у Золушки художественно навешенный шарф, но он не мешает любоваться длинной ниткой искусственного жемчуга, которая спускается до талии и видна в распахнутое пальто – ее не пугают снега и метели. На запястье крупный замысловатый браслет, намеренно выставленный из-под рукава – его можно было бы назвать безвкусным, если бы не тот шарм, с которым она его носит. Из-под второго рукава выглядывает массивный циферблат часов. Что еще? Дешевенькое синтепоновое пальтишко, опять из чего-то блестящего, и разбросанные по плечам локоны. Если бы Золушка не говорила на итальянском, я подумала бы, что она откуда-то из Украинска или Горняка.

Наконец-то сели в самолет. Глаза как песком присыпаны от нервов. Страх того, как встретит меня миланский паспортный контроль, убивает всю радость полета. Сначала нам раздали по конфетке, потом разнесли вина в крохотных стеклянных бокальчиках и какого-то сыра. Проглотила все это, не почувствовав вкуса, только от вина зашумело в голове и загорелись щеки.

Вот уже подлетаем... Боже, что меня ждет?

К самолету подогнали какой-то коридор. Я пошла по нему и не заметила, как он плавно перешел в вокзал. Каким образом их так незаметно состыковали? Иду на выдачу багажа, людей почти никого. Сердце сжимается в предчувствии паспортного контроля... Я иду, иду, иду – вижу человека в черном. Прошла мимо, оглянулась, на спине у него написано «Gendarmerie» – жандарм, значит. Снова иду, перехожу из одного зала в другой, а контроля все нет.

Вдруг неясное, но острое чувство заставило меня обернуться. Зал был большой и пустынный; по нему, простирая ко мне руки, бежал какой-то седенький господин. Я пригляделась: усы и борода на месте – значит, Жан. Он что-то бормотал на бегу – кажется, мое имя.

– Жан? – спросила я, когда он остановился передо мной.

– Жюли... это я.

– Как ты меня узнал?

– По фотографии.

– А я такая, как на фотографии?

– Лючче!

Обе руки у меня были заняты чемоданом и сумкой, поэтому я даже не смогла пожать ему руку. Он же, вместо того, чтобы взять мою ношу, продолжал стоять и смотреть на меня.

– Очень рад тебя видеть.

– Я тоже.

И так как вещей моих он продолжал не замечать, мне пришлось самой вытащить у чемодана ручку, поставить его на колесики и покатить. А сумку я повесила через плечо.

Мы пошли к выходу. У Жана в руках я заметила бомжовский пакетик.

– Я купил тебе покушать, – пояснил он. – Здесь ветчина, хлеб и помидоры. Я знаю, ты голодна.

– Спасибо, я не голодна, – ответила я, – Меня кормили в обоих самолетах. И вообще, я так поздно не ем.

По-русски Жан говорит очень хорошо, практически не чувствуется разницы. Только немного медленно и с мягким акцентом. Мы сели в автобус и поехали в центр города. Когда селись, Жан даже не подумал помочь мне с погрузкой багажа. Просто стоял и смотрел, как я вожусь со своим чемоданом. Где же эти галантные французские мужчины?!

Кроме нас в автобусе почти никого. Водитель выключил свет, и мы едем в темноте. Мимо проплывают какие-то здания, магазинчики... Я вспоминаю, что обещала позвонить маме, когда приземлюсь.

– Можешь дать позвонить? – спрашиваю у Жана, – мой телефон еще не определился.

– Конечно, – он достает мобильник.

Я набираю номер. У нас уже глубокая ночь, и мама давно спит.

– Мам, я долетела, – говорю я в ответ на ее сонное «алло».

– Ой, Юля, ты уже в Париже? – мама потихоньку просыпается.

Она не в курсе моих полулегальных передвижений по Европе, поэтому, чтобы не волновать ее, я отвечаю:

– Да, в Париже. Жан встретил меня в аэропорту, сейчас едем в гостиницу. Ну все, пока, я с чужого телефона.

Наскоро попрощавшись, кладу трубку.

Жан берет мою руку в свою и смотрит на меня без всяких слов. Потом как бы спохватывается и говорит:

– Я очень счастлив видеть тебя. Как ты долетела?

– Хорошо. Немного волновалась из-за своей визы. А почему ты не брал трубку?

– Я не брал трубку?

– Ты поставил телефон на автоответчик. Я хотела позвонить тебе, чтобы договориться о версии, если меня задержат на границе, а ты не отвечал.

– Хм, – Жан пожимает плечами, – я ничего не слышал. Мне никто не звонил. Автоответчик... я не знаю. Я отправил тебе несколько эсэмэсок, но они вернулись.

Жан произносит слова нечетко, но мысль выражает очень верно.

– А почему у меня не проверяли паспорт? Здесь, в Милане.

– Паспорт здесь проверяют редко. Только если смуглый бородатый идет, его останавливают, а такую девушку, как ты, не тронут.

Вышли около ж/д вокзала. Жан сказал, что до гостиницы десять минут хода. Идти десять минут – это хорошо, вот только знать бы, куда? Он не знает, я – подавно! Жан так же, как и я, первый раз в Италии. Он приехал сюда лишь за несколько часов до меня. Стоим на пустынь-

ном перекрестке. Холодно. Перед нами старинное здание с мощными колоннами и неописуемо сложными окнами. Не знаю, что в нем не так, но мне кажется, здесь живут циклопы.

Жан достает из кармана бумажную карту Милана, он купил ее, когда ехал сюда.

– Сейчас посмотрим, – он разворачивает карту при свете уличного фонаря. – Нам нужно найти улицу Карло Тенька, двенадцать. Там наша гостиница.

После нескольких минут безуспешного изучения карты, Жан сворачивает ее и смотрит на меня.

– Ничего не видно, – говорит он беспомощно. – Слишком мелкий шрифт.

Тогда я беру карту из его рук и принимаюсь за дело. Вглядываюсь при тусклом свете. Карта трепещет на ветру, мелкие буквы скачут перед моими глазами, но все-таки я нахожу эту улицу.

Теперь проблема, как туда пройти. На карте все как будто понятно, но в реальности улочки расположены столь причудливо, что я не могу сориентироваться.

– Постой, ведь ты уже был в той гостинице? – спрашиваю я.

– Был. Я оставил там свои вещи.

– Ну так пошли.

– Но я подходил с другой стороны... и тогда был день.

Вот оно что!

– А по карте ты совсем ничего не видишь?

– Ничего. Слишком мелкий шрифт.

Мы стоим и молча смотрим друг на друга.

Я прихожу в себя первая:

– Будем спрашивать у прохожих.

Жан согласно кивает. Но уже второй час ночи, и прохожих нет. Мы ждем.

Вот показалась негритянская девушка. Мы подошли к ней, Жан спросил на английском, где находится улица Карло Тенька. Она ответила, что сама не местная. Потом появилась компания из троих парней – два негра и один белый.

Жан начал объясняться с белым на итальянском (он знает всех европейских языков поне-много), но тот ничего не понял. Тогда подключилась я и на чистом русском языке спросила:

– Карло Тенька, где? Карло Тенька?

Лицо итальянца выразило радость понимания, и он начал показывать жестами, куда нам идти.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросила я у Жана.

– Нет.

Тогда я сказала белому итальянцу:

– Мы не понимаем. Не понимаем! – и усиленно замотала головой.

Он снова просветлел и, оставив двух своих товарищей, позвал нас за собой.

По дороге итальянец спросил у меня: «Ду ю спик англиш»? «Вери вери литл», – ответила я. «Фром вера ю»? – «Айм фром Юкрейн энд май френд фром Франсе». Итальянец закивал головой.

Он вел нас удивительными улочками – узенькими, со старинными домами и изящными клумбами. Улочки петляли и выгибались, передо мной мелькали витые балкончики, окна с деревянными наружными жалюзи, какая-то церковь, как в фильме «Предел контроля», только гораздо красивей, потому что эффект присутствия был необыкновенный.

Вот и гостиница. Портье, молодой парень, сказал, что я должна предъявить паспорт. Я предъявила. Он тщательно прочитал его и что-то записал себе в книгу.

– Зачем это? Спросила я у Жана, когда мы поднимались по лестнице.

– Боятся террористов.

В моем номере высокие потолки с лепниной и маленький ажурный балкончик. На него ведут двойные деревянные двери-жалюзи, как в итальянских фильмах первой половины XX века.

Первым делом я достаю из чемодана мишку. Медвежонок Жан, как я его назвала про себя, пролежал целые сутки в темноте и одиночестве, перенося холод багажного отделения. Я очень боялась, что он помнется в пути, а он ничего – выглядит молодцом! Жан берет его в руки, словно какое-то чудо. Наверное, не ожидал, что получит в подарок игрушку.

– Я сшила его из своих старых сапог. Выпорол изнутри меховую подкладку, постирала, высушила и раскроила по выкройке. Натуральный мех машинка не берет, так что шила пять дней вручную.

Мишка действительно хорош: грустная, немного обиженная мордочка с поблескивающими глазками. Мне кажется, он живой и чем-то очень напоминает Жана.

Но я вижу, что Жан не верит. Он ощупывает мордочку – шерсть на ней аккуратно подстрижена, словно трава на газоне, – трогает выпуклый кожаный нос.

– Как ты сделала ему такое лицо?

– Мордочку? Побрила. Машинкой для подстрижки волос. Побрила, понимаешь?

– О! А! Побрила! Это да... А нос?

Пришлось объяснить устройство носика. Я слегка оттянула его и показала внутренние стежки, которыми он пришит.

– Сильно не дергай, а то отвалится.

– Нет, я не буду!

– Ручки и ножки двигаются, попробуй.

Жан поднял и опустил у медвежонка лапку и пришел в восторг.

– Как ты это сделала?

– Вот здесь внутри, между ручкой и туловищем, вставлен шарнир. Только осторожно, он самодельный.

Жан обнял мишку.

– Правда, одна ручка у него получилась короче другой. Не знаю, как это вышло, шила вроде по одной выкройке.

– О, это так мило!

Мы договорились, что он зайдет за мной в восемь, чтобы к девяти успеть добраться до ж/д вокзала и сесть на поезд, который отправляется в Шамбери. Вообще-то, туда десять минут пешего хода, но с Жаном неизвестно, как всё пойдет.

Глава 2

Утром Жан постучал в мою комнату.

– Бонжур.

– Бонжур, проходи. Подожди минутку, я еще не собралась.

Как, оказывается, много у меня вещей.

Пошли на вокзал. Из старинного квартала, по которому бродил герой «Предела контроля» выбрались в центр. Здесь царят все те же уродцы, что и у нас в Донецке – невероятной высоты и невообразимой конструкции здания из зеленого стекла, как будто их проектирует один и тот же безумный архитектор. Есть и старинные дома, но они как-то теряются на фоне этих монстров.

Сели в поезд, едем. Жан называет это поезд, а по-нашему – простая электричка, только вместо лавочек кресла в два ряда, как в автобусе, и перед каждым креслом откидной столик.

Достали вчерашний завтрак, который Жан купил для меня в аэропорту: ветчину, хлеб и помидоры. Я сделала бутерброды. О! какая гадость! Нельзя сказать, что это вообще еда. Это нечто... нечто... отвратительное! Откусив кусочек бутерброда, я чуть не сблевала. Проглотить такое нельзя, но и выплюнуть – тоже! Что делать? А ведь надо еще сохранять приемлемое выражение лица.

Жан жует и причмокивает. Что ж, подавив рвотные спазмы, проглотила и я. Но тут же отложила бутерброд в сторону. Жан посмотрел удивленно:

– Ты не голодна?

– Нет, не то чтобы, но... я не ем мяса!

– О, извини. Ты ведь писала, что не ешь мяса, а я купил тебе ветчины. Надо было покупать рыбу.

– Нет-нет, – протестую я, – не надо рыбы! – кто знает, какая у них тут рыба?

– Что же ты будешь кушать?

– Помидоры! – нахожусь я и начинаю нервически поедать один помидор за другим. Они крохотные, размером с крупную фасолину, соленькие. По крайней мере, это не ветчина.

Попробовала откусить кусочек хлеба, и напрасно. Он не резиновый и не пластмассовый – но и то, и другое вместе.

Я ем помидоры и нахваливаю. Жан, вроде бы, успокоился. Он с удовольствием съел всю так называемую ветчину и хлеб, после чего предложил пойти выпить кофе. Мы пошли в кафе (вагон-ресторан).

Там продавался такой же набор готовых несъедобных продуктов, как у нас на вокзалах: крендельки неестественного цвета и запаха и химический чай из пакетиков. Нет, ничего этого мы брать не будем. Взяли по чашке кофе.

У окна привинчены причудливые столики. Они волнообразной формы, экономящие пространство, и за ними можно только стоять – но, как ни странно, это очень удобно. Кофе на вкус обычный, только после пары чашек у меня начинает болеть поджелудочная. А, может, это от голода. Креплюсь. Перед поездкой Олег советовал мне взять с собой в дорогу тормозок, но я не послушалась... Эх, где мое сало с хлебушком?

Когда возвращались на свои места, увидели уютное купе, отгороженное от всего остального салона стеклянными перегородками. Там стоял столик и кресла вокруг, будто в маленьком прозрачном аквариуме. Жан задержался перед ним.

– Давай посидим здесь, – предложил он.

– Давай, – согласилась я, но тут же опомнилась: – нет, пойдём. Это, наверное, для пассажиров первого класса. Как погонят нас!

– О, да! – поспешно добавил он, и мы прошли мимо.

Проезжаем Альпы. Реклама шоколада не врет: заливные луга с пасущимися на них коровками, горы, удивительной чистоты ручей; а также крохотные старинные полустаночки, домики, что лепятся прямо у подножья гор, – здесь в любом месте можно ставить мольберт и писать со случайной точки.

На границе между Италией и Францией остановились. Полицейские проверяли документы. Я подала свой паспорт. Полисмен придирчиво листал каждую страничку, взглядывая то на меня, то на Жана.

– Девушка с вами? – спросил он (я догадалась).

Жан кивнул:

– Уи.

После этого коп подозвал своего напарника, и они начали изучать мой паспорт вместе. Второй достал специальный приборчик, что-то вроде монокля, вставил его себе в глаз и принялся, очевидно, искать в моем паспорте блох. У меня упало сердце. Вот она, моя купленная по интернету виза... Вот и всё.

Я посмотрела на Жана. Он выглядел как скучающий буржуа, которому все надоело. Затем французский коп произнес перед ним маленькую извинительную речь, Жан снова с безразличным видом сказал «уи», после чего мне вернули паспорт.

Я молчала несколько мучительных минут, пока они просматривали документы людей, сидящих впереди. В это время второй коп краем глаза снова зыркнул на меня.

– Что он говорил? – спросила я, когда они отделились.

– Он сказал, что сейчас ходит очень много поддельных виз, особенно греческих... – голос у Жана дрогнул.

– Ты волновался?

– Очень. Если бы тебя забрали...

– Но по тебе вообще не было заметно!

– Зато я видел, как ты боишься. И они видели. Тебе надо быть спокойней.

– А ведь тебя приняли за торговца людьми.

Жан улыбнулся.

– Я продаю лишь свои старые книги на Амазоне.

В этот момент мимо нас провели молодого китайца с рюкзаком. Его явно снимали с поезда – один полицейский шел впереди него, второй – сзади.

Вышли в Шамбери. Отсюда у нас билеты на автобус до Лиона. Жан пошел искать автобусную остановку. Иду с ним и я, все так же таща за собой свой чемодан.

Остановились в каком-то людном месте, стоим. «Кажется, здесь», – сказал Жан. С нами ожидают еще несколько человек, вероятно, тоже едущие в Лион. Подошел большой автобус, все люди сели в него и уехали, а мы остались.

– Это был не наш? – спрашиваю я у Жана.

– Нет, не наш.

Продолжаем чего-то ждать в гордом одиночестве.

Десять минут спустя Жан начинает заметно волноваться.

– Что-то не так? – спрашиваю я.

– Это был наш.

Но не успела я расстроиться, как выход был найден. Оказывается, у них тут такая система: ты покупаешь не билет, а маршрут, и если что-то пошло не так, можно пойти в офис туристической компании, которые понатыканы по всей стране, и обменять один билет на другой, причем виды транспорта можно варьировать. Так мы и делаем. Только теперь Жан передумал ехать автобусом и берет билеты на поезд. Я согласна – ну их, эти автобусы!

Вышли на перрон.

– У нас еще полчаса, – говорит он, пойдём в кафе?

Полчаса не так много, но я соглашаюсь, потому что мне нужно отправить сообщение Олегу, а то будет там думать думать... Кафе, в которое мы направляемся, расположено чуть поодаль от вокзала, нужно только перейти через улицу.

Жану некуда было положить подаренного мной мишку, поэтому я везу его всю дорогу в своей сумочке. Он сидит там как ребеночек в конверте, выглядывает только его мордочка – серенькая, невзрачная, но все замечают его поблескивающие глазки. Жан переводит мне реплики, которые прохожие бросают в адрес медведя. Один мужчина у входа в кафе сказал: «Как настоящий»!

Я расположилась за столиком с ноутбуком. Над барной стойкой на зеленой дощечке мелом был написан ключ для выхода в интернет – довольно длинный, но я ввела его на удивление без ошибок. «Олег, я уже во Франции, в городе Шамбери, отсюда едем в Лион. Ждем автобуса, зашли с Жаном в кафе. У меня все хорошо. Подробности потом, маме я уже отзвонилась».

Когда сообщение было отправлено, до поезда оставалось пятнадцать минут. Я наскоро выпила чаю, в то время как Жан думал, не заказать ли ему еще кофе.

– Осталось пятнадцать минут, – говорю я.

Он успокаивает:

– Еще есть время.

Но я настаиваю, и мы встаем – я не привыкла приходить на вокзал за две минуты до отправления. Как легкомысленно они тут обращаются со временем. Жан по дороге немножко ворчит, что мы могли бы еще посидеть, ведь «время есть»!

Находим свою платформу. Здесь сквозняк, холодно и неудобно.

– Пойдем на солнышко, – предлагаю я.

Мы проходим дальше вдоль по платформе, туда где нет тени, и можно погреться в солнечных лучах. Жан наконец-то догадался, и неуклюже таскает за собой мой чемодан. Движения его так нерассчитаны и неловки, будто он никогда в жизни не возил чемодан на колесиках. Он носится с ним, как малое дитя с громоздкой игрушкой. В трудных местах я, сжавившись, забираю у него чемодан и везу сама.

Стоим-стоим, а поезда всё нет. Я прошу Жана еще раз заглянуть в билеты и убедиться, что мы ничего не перепутали.

Вдруг слышим какое-то объявление на французском.

– Что говорят? – спрашиваю я.

– Поезд отправляется... – растерянно лепечет Жан.

– Какой поезд? Где?!

Не дослушав ответа, я хватаю чемодан и сумку и бегу туда, к центру платформы, к месту посадки... но вижу только его хвост. Это были два маленьких цветных вагончика, они подошли неслышно и стояли всего минуту.

– Я видела его! Видела, как он подошел. Как стоял. Но мне в голову не пришло, что это поезд. Я думала, какие-то служебные вагончики.

Жан топчется рядом и крутит головой по сторонам.

– У нас поезд невозможно не заметить, – поясняю я. – В нем вагонов штук двадцать, он летит и свистит, и грохочет так, что в ушах закладывает. А у вас что? Ну, на что это похоже?!

Жан виновато поддакивает.

Беда с этими французскими поездами.

– А ты видел его? – спрашиваю.

– Видел.

– Почему же ты мне не сказал?

– Я думал... это не наш.

О-о-о!

Но Жан не унывает.

– Сейчас пойдем и перделаем билеты на другое время, – говорит он почти беззаботно.

– Мы ничего не теряем?

– Ничего.

Ничего, кроме времени, – думаю я, пока мы идем опять в здание вокзала. – Мы могли бы уже подъезжать к Лиону, где нас ждет машина на стоянке. А ведь оттуда еще километров пять-сот на юго-запад. Нет, все-таки они очень легкомысленны в своих отношениях со временем.

На вокзале Жан, выждав небольшую очередь, перекомпостирует билеты и возвращается ко мне уже в хорошем настроении.

– Наш поезд через сорок минут, – радостно сообщает он.

– Ой, как быстро. А я думала, полдня ждать.

– У нас полно времени. Мы можем посидеть в кафе.

Ну уж нет! В этот раз я его никуда не пущу. Ни шагу с вокзала.

Сидеть здесь особо негде – нет привычного в нашем понимании зала ожидания со множеством кресел, хорошим верхним освещением и, как минимум, двумя кафешками. Люди в основном стоят или идут; по-над стеночками устроены редкие неприметные стульчики, наверное, для пожилых и инвалидов, а все прочие должны быть на ногах. У самого выхода я отыскиваю скромную деревянную скамеечку, на ней уже сидит одинокая уставшая женщина – ничего, поместимся и мы.

Голод дает о себе знать. Среди всей этой кутерьмы мой глаз безошибочно находит буфет – стойку с барменом, где продаются всякие дорожные вкусности.

– Надо бы купить чего-нибудь поесть, – предлагаю я.

Жан соглашается, дает мне денег, и я иду к стойке. Любезный бармен спрашивает у меня что-то по-французски, я в ответ мычу. Он вежливо улыбается. Я тычу пальцем в очень аппетитный шоколадный кекс и еще в один, с изюминками, и говорю «ту». Для большей уверенности, что меня поняли, показываю два пальца. Бармен снова улыбается, кивает и что-то говорит. Наконец деньги обменены на кексы, и я возвращаюсь к Жану.

– Я купила себе шоколадный, а тебе с изюмом, – говорю я, протягивая ему кекс.

– О, спасибо!

– Только давай поделимся, я дам тебе половинку своего шоколадного, а ты мне – половинку с изюмом. Так мы попробуем оба сразу.

Жан соглашается, и я разламываю кексы.

– Очень вкусно, – нахваливает он, держа по половинке кекса в обеих руках. – Такой в детстве пекла моя мама.

Жан с аппетитом жует, и крошки густо усыпают его куртку и брюки.

– Не кроши, – говорю я, – ешь аккуратно.

Кексы действительно вкусные, как домашние, только еще лучше. Шоколадный, конечно, в моем рейтинге кексов лидирует, а Жану больше нравится с изюмом. Они довольно большие и сытные, и я уже не чувствую голода.

Пока мы едим, наблюдаем такую сцену. Перед нами стоит семья: молодая женщина, мужчина и двое детей. Они сгруппировались вокруг своих многочисленных чемоданов и тоже ждут поезда.

Вдруг из плохо освещенной глубины вокзала, из серого сумрака, появляется слепой. Он идет прямо на семью крупными твердыми шагами, постукивая впереди себя палкой. Круглые непроницаемые очки, лицо жесткое и волевое. Это довольно высокий костистый мужчина лет сорока. Женщина кричит:

– Атонсьён! Атонсьён!

Но слепой продолжает зловеще надвигаться. Дети с визгом разбегаются.

– Атонсьён! – выкрикивает женщина и сама отскакивает с его пути.

Ее муж благоразумно отходит в сторону.

Слепой натывается на груды чемоданов, но это для него не преграда – он гневно опрокидывает их ногами и палкой, и проходит, мстительно вдавливая каблук своих ботинок в чемоданные бока.

Мы с Жаном забываем жевать. Когда всё закончилось, и семья вновь воссоединилась вокруг своих поверженных чемоданов, мы переглядываемся. Рядом с нами в немой сцене застыли редкие зрители. На женщину жалко смотреть – она прижимает к себе детей и что-то быстро говорит, повторяя «атонсьён, атонсьён». Как я поняла, она в чем-то оправдывается перед собой и окружающими. Ее муж флегматично восстанавливает чемоданную пирамиду.

– Почему он так повел себя?

Жан только пожимает плечами.

– А версии какие-нибудь есть?

– Нет.

– Но он же слышал ее?

– Вероятно.

– Во всяком случае, он не мог не почувствовать чемоданы. Видел, как он шёл?

– Да.

Я сижу и размышляю еще некоторое время над увиденной сценой. Кручу так и эдак... Нет, я отказываюсь что-либо понимать. И Жан никак не комментирует. Ну если уж он ничего не сообщает во французских инвалидах, то я подавно.

Со второй попытки сели в поезд. Едем. На протяжении всего пути то и дело ходим в вагон-кафе, чтобы Жан подкрепился кофе. Я тоже выпила чашку, а вторую уже не могла – по-моему, это какая-то гадость. Но Жану нужно, и я хожу с ним за компанию, да и потом, мне скучно сидеть одной.

Жан просто поражает меня своей галантностью, еще с Милана. Всюду в поезде он пропускает меня первой. Но я хочу идти второй! Мне так неудобно открывать эти странные двери, к которым нужно особым образом прикасаться, чтобы они открылись, – и вообще, за спиной мужчины я чувствую себя в большей безопасности. Но Жан ни за что не хочет показывать мне свою спину – ведь это не вежливо.

Я говорю:

– Жан, иди, пожалуйста, впереди.

– О нет, мы, французы, женщин всегда вперед пропускаем.

– Это французских женщин, а меня можно не пропускать.

– Ни за что я не проявлю к тебе такого неуважения!

Пришлось объяснить ему про двери и чувство безопасности, когда идешь за мужской спиной. Он согласно кивает, говорит «о, да!», но потом снова машинально пропускает меня вперед.

Приехали в Лион.

Пошли на автостоянку, где Жан оставил машину. Это подземная стоянка, уходящая на восемь уровней вниз. Мы сели в лифт космического дизайна и опустились на пятый уровень. «Ниво сенк», – проговорил лифт, когда мы выходили, и я повторила: «Ниво сенк». Жан улыбается, как довольный кот, – ему нравится, когда я пытаюсь говорить по-французски.

Пошли искать свою машину. Машины здесь стоят как в фильме «Святые моторы», и у меня такое чувство, что когда нет людей, они между собой переговариваются. Потом выезжали по серпантину вверх – так чудно!

Жан заплатил за стоянку тридцать шесть евро – я подсмотрела в чек.

Итак, нам нужно выехать на трассу в направлении Клермон-Ферран. Это оказалось не так-то просто. Кружим по Лиону уже около часа, но не можем найти юго-западный выезд. Жан вглядывается в указатели.

– Ты что, не помнишь, какой дорогой ты приехал сюда?

– Нет.

– Как же мы выберемся?

Жан пожимает плечами.

– Какой-то философ сказал, что если двигаться всегда в одном направлении, то рано или поздно найдешь выход, – говорит он через время.

– Но если это будет не юго-западный выход?

– О да, – вздыхает он и продолжает кружить по городу.

Наше кружение начинает меня беспокоить, потому что впереди еще полтысячи километров, а уже вечереет. Мы и так потеряли время в Шамбери, пропустив свой автобус и поезд.

– Может, посмотрим карту? – предлагаю я. – Есть ли у тебя карта?

– О! У меня же есть карта. Подай, пожалуйста.

В кармане двери на моей стороне лежит целое скопище карт, но той, что нужно, там не оказывается. Еще немного покружив по Лиону и его окрестностям, решаем последовать совету философа, а именно: ехать куда глаза глядят.

Едем уже примерно час. Я начинаю рассуждать про себя: нам нужно на юго-запад... Я, конечно, не большой специалист-автомобилист, но солнце у нас сзади, а значит, движемся мы на восток.

– Жан, мы едем на восток, – говорю я.

– О да.

– А нужно на юго-запад.

– Другой дороги я не вижу. Я жду какого-нибудь указателя, который сориентировал бы меня.

– А если этого указателя не будет?

– Должен быть.

– Но когда?! Может быть, через сто километров?!

– О да...

– Ты совсем не помнишь, как ты сюда приехал?

– О нет.

Солнце садится, а мы всё едем. Нужно что-то решать.

– Вот что, – говорю я, – давай тормози. Будем спрашивать дорогу у людей.

– У каких людей?

– У каких встретим! Язык до Киева доведет. Вон, видишь фуру, которая свернула на обочину? Давай за ней. Подойди и спроси, как выехать на Клермон-Ферран.

Так и сделали. Жан сказал, что он второй раз в жизни спрашивает что-то у людей (первый раз был, когда мы искали гостиницу), он привык все больше полагаться на карты!

Водитель фуры оказался хорошим дядькой, который нам все толково объяснил и даже нарисовал схему. Мы заехали совсем не туда – еще бы! Но возвращаться он нам не советует, потому что легко запутаться. Он предложил двигаться в том же направлении и сделать большой крюк, но тем верней добраться до цели. Я стояла рядом и слушала. Языка я не знаю, но мне охота было посмотреть на французского дальнбойщика вблизи. Если бы не французское лопотанье – от нашего не отличишь.

Когда мы двинулись, солнце уже наполовину село. Жан вел машину на скорости сто двадцать – сто сорок, но дорога была такая хорошая, что, если бы не ночь, можно было бы и под сто шестьдесят. Нас почти все обгоняли.

По пути заезжали в придорожные кафешки, что-то ели... Очень вкусный салат с макаронами, яйцами и креветками, какие-то пирожные, еще не помню что – я была так голодна, что проглатывала все, что мне давали. Жан пил много кофе, чтобы прогнать сон.

На одной из остановок, когда есть уже не хотелось, и мы вышли пройтись по свежему воздуху для бодрости, я заметила, как он нащелкивает на своем телефоне какой-то текст.

– Эсэмэска Даниэль, – пояснил Жан, поймав мой взгляд.

Я хотела спросить: «Она ждет нас»? – но почему-то не посмела.

Снова сели, поехали. Стояла глубокая ночь. Очень хотелось спать, но я не смыкала глаз, следила за Жаном. Чтобы он не уснул за рулем, время от времени развлекала его разговорами.

В Крессак прибыли уже в час ночи.

– Это мой дом, – сказал Жан, когда в темноте мы выбирались из машины.

Мы вошли в полусвещенную... даже не знаю, как назвать это помещение – довольно вместительное и причудливой формы. Если бы не мебель, я подумала бы, что это зал для танцев. Под ногами гладкая плитка, тонущие где-то в полумраке светлые стены.

Нас никто не встречал. Я снова хотела спросить про Даниэль, но слова завязли у меня в горле.

Сразу налево была кухня, туда мы и пошли.

– Чаю? – спросил Жан, падая от усталости.

– Вина, – ответила я, чувствуя, что каждое их моих век весит по несколько тонн.

Он принес бутылку чего-то белого, разлил по бокалам. Мы выпили стоя, потому что, если бы сели, то уснули бы тут же, на стульях. Жан произнес короткий тост в честь моего приезда, я в ответ не сказала ни слова – не было сил.

– Пойдем, я покажу тебе твою комнату, – сказал он и повел меня через непонятное пространство в темный коридор со множеством дверей. Это были все спальни, гостевые и служебные помещения.

В моей комнате стояла большая старинная кровать резного дерева, такой же шифоньер и тумбочка – я думала, такую мебель выставляют только в музеях. Окно было без подоконника и штор, и от этого казалось голым и неестественным. Я устала в черный прямоугольник ночи, по привычке желая задернуть занавеску, но вместо занавески слева болталась какая-то полированная арматура. Жан взял ее обеими руками, хитро провернул, и снаружи загромыhalo и опустилось что-то белое.

– Здесь кругом лес. Иногда на поляну выбегают дикие животные, – пояснил он. Потом включил отопление и вышел.

В эту ночь спала как убитая.

Глава 3

Проснулась, а в комнате темно. Думала, четыре часа утра, как бывает, когда я просыпаюсь дома от лая Флопика, но оказалось, уже одиннадцать. А темно в комнате из-за того, что опущены наружные роллеты. Через дверь ко мне просачивался умопомрачительный запах – это Жан уже проснулся и заварил себе кофе.

Когда я вышла в зал, там тоже было темно.

– Бонжур, – сказал Жан.

– Бонжур. Почему такая темь?

– Я не хотел поднимать роллеты, потому что они создают шум, который мог бы тебя разбудить.

С этими словами он подошел к окну и начал крутить железную ручку. Комнату наполнил серый свет промозглого дня – такие дни всегда стоят в мой день рождения и на Украине, и здесь, во Франции.

Постепенно открываясь, снизу вверх передо мной показывался двор: терраса с парой стульев и столиком, несколько вазонов с цветами; довольно обширная лужайка, которую отграничивали от улицы пышные, уже начинающие зеленеть кусты.

В зале всё так просто и мило – особенно это окно от потолка до пола, через которое я смотрю на утреннюю панораму – это, оказывается, не окно, а двери! Они открываются по типу купе, и из комнаты можно шагнуть прямо на террасу и во двор.

Другие такие же двери – на противоположной стене. Из них можно выйти в лес. Как удивительно! Получается, в одной комнате три выхода – обычный, через прихожую, и два через «окна».

Зал очень обширный. Здесь камин, перед ним диван и кресла; большой стеклянный стол и маленький стеклянный столик, пианино и старинный сосновый буфет. Но вся эта мебель не загромождает пространство – остается еще так много места, что можно свободно прохаживаться или даже бегать из одного конца комнаты в другой. Плитка цвета слоновой кости на полу и белые стены.

Пока я оглядываю зал, который вчера рассмотреть не успела, Жан оглядывает меня. Наверное, во вчерашних сумерках тоже не успел меня рассмотреть.

– С днем рождения, – говорит он. – Я приготовил тебе завтрак.

Завтрак состоял из сыра с маслом, хлеба и зеленого чая. Жан пил по своему обыкновению кофе. Хлеб и сыр очень живописно лежали на специальной подставочке, которая представляет собой деревянную решетку, погруженную в деревянный лоток. Это очень удобно, потому что когда режешь на ней хлеб, крошки сыплются внутрь лотка, а поверхность остается чистой.

В этом доме вообще много дерева и натуральных материалов. В моей комнате на полу лежит ламинат, но плинтуса деревянные (я не поленилась полезть и пощупать), только не такие, когда на них уже пятьдесят слоев краски и невозможно разобрать, какой они формы, – а новенькие, белоснежные. В туалете в качестве освежителя воздуха – палочки корицы и стружка какого-то пахучего дерева. Всё это не просто разложено, а собрано в виде изящного декоративного букета. Подозреваю, рукой Даниэль...

Мы сели за завтрак. Сыр был просто божественный! Жан сказал, что это овечий, от местного производителя. Хлеб тоже был очень вкусный, ржаной, от здешнего булочника.

Обсудили планы на сегодняшний день. Итак, поездка на рынок в Кагор отменяется – мы уже проспали. Да, честно говоря, я и рада, потому что идет мелкий гнусный дождь, и мне не хочется куда-то выходить. Хочется забиться в дальний уголок, свернуться калачиком под теплым одеялом и пребывать в этом бессмысленном состоянии как можно дольше. В день рождения у меня всегда пониженный тонус, да еще сказывается нервное напряжение поездки.

Жан утешил меня тем, что хороший базар в Кагоре бывает только по средам и субботам, а сегодня там мало продавцов. Он спросил: «Как ты хочешь провести свой день рождения»? Я сказала, что хотела бы только спать, есть и записывать свои дорожные впечатления, – это для меня лучший отдых.

После завтрака Жан сыграл мне на пианино пару русских народных песен (скорее, наиграл) и мы попробовали одну из них спеть. Да вот беда, что-то мне совсем не поется, хотя песни все знакомые, наши. Жан подтягивал кое-как. Если бы тут был О., он бы не дал нашему скромному ансамблю захиреть, тут же распел бы нас и расставил по голосам. Но, поскольку О. не было, так мы и бросили это занятие.

Жан засобирился в супермаркет за продуктами. Супермаркет находится в ближайшем городке, Меркюэсе. Ехать туда недолго, около двадцати минут. «Хочешь со мной»? – спросил он. Но я отказалась и пошла спать.

– На обратном пути из супермаркета я заглянул в почтовый ящик, а там вот что, – сказал Жан, когда я проснулась.

Он разложил передо мной большой конверт и пару листов исписанной мелким шрифтом бумаги.

– Что это?

– Это контракт от издателя на издание твоего романа.

– Нет, правда?!

Я беру листочки и бегу глазами по рядам французских букв, ничего, конечно, не понимая.

– Жан, ты это подстроил?

– Я ничего не подстраивал. Я ведь писал, что пытаюсь найти для тебя издателя.

– Но в мой день рождения?

– Я здесь ни при чем, – Жан смотрит мне в глаза честно-честно. – Я просто заглянул в почтовый ящик.

На радостях я приготовила плов. Жан в это время растопил камин и сел переводить для меня контракт. Плов немного подгорел, но Жану понравилось – он ел и даже причмокивал. Впрочем, если бы даже не понравилось, не думаю, что он подал бы вид.

Глава 4

Сегодняшнее утро началось с разговора о вчерашнем. Вчера вечером, сидя у камина, мы пили вино. Я выразила мысль, что нельзя, невозможно внутренний мир человека наполнить внешним миром; что внутренняя жизнь – это особая область, и сколько бы внешних впечатлений ты туда не закидывал, она так и останется пустой. Выход в другом – развивать эту особую область. Жан стал возражать, что нет никакой особой внутренней и внешней области, что всё – абсолютно всё является нашим внутренним миром, а уже в своем внутреннем мире мы делаем разделение на внешнее и внутреннее, и разделение это чисто условное. Об этом мы проспорили где-то в течение часа, пока я пила чай с сыром. Жан к моему пробуждению уже выпил пару кружек кофе, и со мной еще одну.

Я не совсем понимаю эти бесчисленные кружки кофе по утрам – может, он просто голоден?

– Хочешь нормально позавтракать? – спросила я. – Можно разогреть вчерашний плов.

– Нет, у нас так не принято. Мы едим только хлеб с сыром и маслом и пьем кофе. Никто не ест плов по утрам.

Я так и не поняла, он не ест, потому что это не принято, или потому что не голоден?

– Как хочешь, а я поем.

– В одиннадцать у меня пациент, не хочу наедаться перед сеансом. Когда сыт, нет такой ясности в голове.

Ах, вот оно что! Значит, все-таки непрочь покушать. Что ж, у меня нет пациента, и я иду в кухню разогреть себе плов.

Мы едим обычно в зале, за большим стеклянным столом, но, поскольку Жан разделить мою трапезу отказался, я ем прямо на кухне, за маленьким круглым столиком.

– Ты всегда так плотно завтракаешь? – спрашивает он, наблюдая, как я доедаю сковородку плова.

Несмотря на то, что Жан по утрам даже чай сервирует мне ножом и ложкой, своих пролетарских привычек я здесь не бросаю и, если одна, ем прямо со сковородки и – без ножа.

– Всегда, когда есть возможность.

– Хм... – Жан задумчиво и нежно смотрит на меня. – Как же тебе удастся оставаться такой худенькой?

– Много нервничаю.

– В самом деле?

– Шучу. Просто у меня сложение такое. В мамином роду все худые, ну а я в маму.

– Это очень хорошо. А я вот... – Жан разводит руками, – стоит только чуть-чуть переесть, и становлюсь круглый, как шарик.

– Так прямо и круглый?

– Да, набираю несколько килограмм.

– Но не несколько десятков?

– О нет! Но и это довольно неприятно. Чувствую себя настоящим толстяком.

Я оглядываю его. На толстяка Жан никак не похож. Вполне нормальной конституции мужчина с едва заметным животиком.

– Перед твоим приездом я похудел, – говорит он, заметив мой взгляд.

Мне бросаются в глаза его явно поношенные брюки – те самые, на которые он крошил кекс в Шамбери, – и выцветший пуловер, бывший когда-то черным. С расстояния пары метров пытаюсь определить степень белизны воротничка – она сносна.

– Ты так пойдешь к пациенту? – спрашиваю я, окинув его взглядом с головы до ног.

– Да, а что?

– Ну не знаю...

– Я плохо выгляжу? – Жан с беспокойством осматривает себя на все стороны.

– Нет, не плохо, но...

– Что?

– У тебя одежда какая-то старая.

Жан смеется.

– О, я тоже не молодой.

Ему еще смешно!

– Нет, извини, я не то хотела сказать. Не старая, а... поношенная, что ли. Не первой стирки.

– Да, так и есть! – с какой-то веселостью подтверждает он. – Я по многу лет ношу одни и те же вещи, потому что очень их люблю.

Ответить мне нечего, потому что я тоже люблю старые вещи и тоже ношу их по многу лет. Мне трудно расстаться с какой-нибудь прикипевшей к душе маечкой, а джинсы я занашиваю до дыр. Но как бы ему объяснить?

– Понимаешь, это ты можешь для себя так ходить. Но если у тебя деловая встреча, ты должен выглядеть по-другому.

– Да?

– Да. Вот, например, твои брюки. Стрелок на них почти не видно, и в некоторых местах поблескивают.

– О, да...

– Ты сам их гладишь?

– О, нет. После стирки я отдаю их в специальную мастерскую, там делают стрелки.

Вот как. И это при живой-то жене...

– А рубашки ты тоже отдаешь в специальную мастерскую?

– Рубашки я глажу сам.

В этот момент взгляд мой случайно упал за окно, на ту сторону, где лужайка и лес. Там, на веревке, натянутой между двумя деревьями, сушилась дюжина белоснежных рубашек. Они помахивали тяжелыми влажными рукавами, как ожиревшие домашние гуси, которые и хотели бы, да не в силах улететь.

– Твои? – спросила я, кивнув на рубашки.

– Да, я с утра постирал. Сегодня обещает быть хорошая погода.

Некоторое время Жан грустно молчит.

– У меня много хороших костюмов и рубашек, – как бы оправдываясь, заговаривает он. – И галстуков. Есть очень дорогие. Я носил все это, когда преподавал в университете. А теперь – зачем они мне?

– Но теперь ты тоже встречаешься с людьми.

– Работа психоаналитика это не та работа, при которой требуется безупречный внешний вид.

– Ошибаешься.

– О, нет. Ты совсем не знаешь моих пациентов. Это люди, с головой погруженные в свой внутренний мир, и едва ли они замечают, что творится вокруг. Особенно им нет дела до моих брюк.

– А вдруг они на минутку вынырнут из своего внутреннего мира, и взгляд их упадет на твои брюки?

– Это не страшно, ведь брюки на самом деле хорошие. Да, помятые немножко. Я в них в машине езжу и дома хожу, они не могут быть безупречны.

– А если психоаналитик сидит перед тобой в помятых брюках, не требуется ли ему самому психоаналитик?

– Хм...

– Что подумает о тебе пациент?

Жан молчит.

– Вынужден признать, что ты отчасти права.

Ага! Значит, все-таки признает существование внешнего мира.

– Я не отчасти права, Жан. Я права. Брюки должны быть безупречны. И по их покрою не должно быть заметно, что куплены они в семидесятых.

Кабинет Жана находится в дальнем конце дома, туда он и пошел встречать пациента.

– Перед твоим приездом я известил всех, что у меня двухнедельный отпуск, – сообщил он, уходя. – Но этот парень особенный, его нужно принять.

Что ж, посмотрим на особенного парня. Справившись с пловом, я становлюсь у окна-двери и наблюдаю, как во двор въезжает довольно крутая черная тачка. Из нее выходит такой же крутой мужчина в черной куртке – ого! Даже издали видно, что это мачо, каких мало. Он поставил машину и, поскольку в кабинете у Жана тоже окно-дверь во всю стену, то прямо в нее и вошел.

Боже мой, что же такого стряслось с этим парнем, если ради него Жан отменяет свой отпуск?! Меня разбирает любопытство. Проходит минут пятнадцать; в течение них я рисую себе всевозможные сюжеты из жизни мачо, которые довели его до кушетки психоаналитика. Рисую так и эдак – ничего не получается – ну не пациент он!

Вскоре приходит Жан и торопливо распечатывает что-то на принтере. Черная машина еще стоит во дворе.

– Что ты печатаешь? – любопытствую я.

– Счет-фактуру на оплату сеанса.

Во как! Всё серьезно. Сеансы психоанализа отпускаются как товар на складе. Зачем этому мачо счет-фактура? Он что, будет предъявлять ее жене? Неловко у Жана выпытывать, к тому же он уже ушел.

В окно вижу, как черная машина скрывается за воротами.

– Сегодня после обеда у меня еще один пациент, – говорит Жан, вернувшись.

– Тоже нельзя отказать?

– О да. Это особенный случай. Мы пообедаем, а потом поедem в Кагор, ты не против? Там мой второй кабинет. Когда случаются пациенты из Кагора, я выезжаю туда. Возьмешь с собой ноутбук и посидишь в приемной, пока я буду его принимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.